

На правах рукописи

Махотина Алина Александровна

**Панегирическая программа и ее художественное воплощение
в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II**

Специальность 17.00.04 –
изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат

диссертации на соискание
ученой степени кандидата искусствоведения

Москва - 2011

Работа выполнена на кафедре истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор искусствоведения, профессор
Евангулова Ольга Сергеевна.

Официальные оппоненты: доктор искусствоведения, профессор
Ильина Татьяна Валерьяновна

кандидат искусствоведения
Докучаева Ольга Владимировна.

Ведущая организация: кафедра истории
художественной культуры
Московского педагогического
государственного университета

Защита состоится «_____» 2011 года в 16 часов на заседании Диссертационного совета (Д. 501.001.81) по искусствоведению в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, МГУ, Исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале в отделе Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова в новом учебном корпусе.

Автореферат разослан «_____» 2011 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор искусствоведения, доцент

С.С.Ваняян

Диссертация посвящена искусству государственных празднеств эпохи Екатерины II.

Хронологические рамки исследования совпадают с периодом царствования императрицы. Нижняя граница обозначена торжествами по случаю ее коронации в Москве в 1762 году, верхняя граница связана с одним из последних значительных праздников при екатерининском дворе – торжеством по поводу свадьбы великого князя Константина Павловича в 1796 году.

Интерес к исследованию празднеств при дворе Екатерины II проявился уже в XIX столетии. В этом направлении работали: С.П. Шевырев¹, С.М. Любецкий², И.Е. Забелин³, М.И. Пыляев⁴, историей царских и императорских коронаций в России занимались В.И. Жмакин⁵, П.Н. Воздвиженский⁶, И.Ф. Токмаков⁷. В начале XX века по случаю праздничных мероприятий, связанных с 300-летием царствования династии Романовых, вышли крупные издания, в которых упоминалось и о торжествах екатерининской эпохи, как кульминации в развитии праздничной культуры XVIII столетия (А.Е. Зарин⁸, Н.В. Соловьев⁹). В тот же период был составлен ряд словарей (Ю.Ю. Битовта¹⁰, Д.А. Ровинского¹¹), предоставивших важные сведения о праздниках XVIII века, их программе и некоторых особенностях декора-

---

¹Шевырев С.П. Исторические материалы. «Торжествующая Минерва» // Москвитянин. 1850, октябрь. Кн. I. № 19. С. 109–128.

²Любецкий С.М. Взгляд на то время, когда совершалась коронация Екатерины II, с описанием фейерверка, данного по этому случаю против Кремля // Москвитянин. 1856. Т.2. № 6. С. 130–153.

³Забелин И.Е. Хроники общественной жизни Москвы в XVIII столетии // Сборник Общества любителей российской словесности. М., 1891.

⁴Пыляев М.И. Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Исторический вестник. 1885, август; Забытое прошлое окрестностей Петербурга. М., 2006. Репринтное воспроизведение издания 1889 г.; Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. М., 2010. Репринтное воспроизведение издания 1887 г.; Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990. Репринтное воспроизведение издания 1891 г.

⁵Жмакин В.И. Коронации русских императоров и императриц. 1724–1856 // Русская старина. 1883. Т. 37. С. 499–538.

⁶Воздвиженский П.Н. Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней. СПб., 1896.

⁷Токмаков И.Ф. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц. М., 1896.

⁸Зарин А.Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет: исторические очерки. М., 1913.

⁹Соловьев Н.В. Придворная жизнь: 1613–1913. Коронации, фейерверки, дворцы. М., 1913.

¹⁰Битовта Ю.Ю. Редкие русские книги и легучие издания XVIII века. М., 1989. Репринтное воспроизведение издания 1905 г.

¹¹Ровинский Д.А. Обзор иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. М., 1903.

тивного убранства. Кроме того, в XIX – начале XX века издаются описания церемоний, торжественных приемов, устроенных в честь Екатерины II в провинциальных городах. Появились работы краеведов и историков, уделивших внимание публичным праздничным мероприятиям по случаю визитов монархини (статьи А.Г. Брикнера¹², Н.А. Добротворского¹³, краеведческие работы Н.П. Барышникова¹⁴, Н.П. Загоскина¹⁵, П.М. Дульского¹⁶, М.Н. Коваленского¹⁷, Н.Г. Протасьева¹⁸). Триумфальные памятники провинциальной архитектуры были представлены в книге Г.К. Лукомского «Памятники старинной архитектуры России. Часть I. Русская провинция»¹⁹.

В 1930–50-х годах наступает естественная пауза в изучении придворной культуры, особенно в таком направлении, как праздники при императорском дворе. Государственные торжества эпохи Екатерины II попадают в поле исследовательского внимания только в связи с изучением творчества крупных московских архитекторов Д.В. Ухтомского²⁰, В.И. Баженова и М.Ф. Казакова²¹, имена которых присутствуют в большом корпусе научной литературы. Речь идет о работе над временными строениями к коронации Екатерины II (архитектор Д.В. Ухтомский), сооружении павильонов на Ходынском поле к празднованию в Москве заключения мирного договора с Турцией в 1775 году, а также об оформлении церемонии закладки Большого Кремлевского дворца (В.И. Баженов, М.Ф. Казаков).

---

¹²Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 году // Русский Вестник. 1881. Т.154. № 8. С. 459–509. Т. 155. № 9. С. 311–367.

¹³Добротворский Н.А. Екатерина II в Курской губернии // Исторический вестник. М., 1886. № 3. С. 721–724.

¹⁴Барышников Н.П. Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886.

¹⁵Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1894.

¹⁶Дульский П.М. Памятники Казанской старины. Казань, 1914.

¹⁷Коваленский М.Н. Путешествие Екатерины II в Крым. М., 1916.

¹⁸Протасьев Н.Г. Пребывание Екатерины Великой в 1767 году в Костроме // Русский Вестник. 1881. Ч.9. № 2. С. 74–99.

¹⁹Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России. Ч I. Русская провинция. Пг., 1915.

²⁰Михайлов А.И. Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. М., 1954.

²¹Михайлов А.И. Баженов. М., 1951; Власюк А.И., Каплун А.И., Кипарисова А.А. Казаков. М., 1957; Снегирев В. Зодчий Баженов. М., 1962; Домшляк М. Архитектура старинного праздника // Декоративное искусство. 1965. №12. С. 34–39; Пуцина А., Душкина Н. Ансамбль увеселительных строений на Ходынском лугу // В.И. Баженов и М.Ф.Казаков. Проблемы творческого наследия. Вып. 5. М., 1997. С. 43–48; Баженов Василий Иванович. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы / Сост., вступ. ст., примеч. Ю.Я. Герчука. М., 2001.

В гуманитарной науке 1970–80-х годов оживляется интерес к культурно-бытовой среде, в том числе и к государственным празднествам. Появляются работы, в которых рассматриваются разные аспекты художественного убранства публичных торжеств (М. Айзенберг²², О.В. Немиро²³). А.И. Мазаев исследует праздник как социально-художественное явление²⁴, проблемы зрелищных искусств и методологическая база для их изучения разрабатываются Н.А. Хреновым²⁵.

В 1978 году в Государственном Русском музее состоялась выставка, посвященная искусству «огненных потех» в России XVIII века. Представленные на ней гравюры с изображениями фейерверков и иллюминаций отражали развитие этого направления от петровского до екатерининского времени.

В научной литературе 1990-х годов праздничные декорации становятся предметом особого исследовательского внимания (Е.В. Рождественская²⁶, А.В. Горбунова²⁷). Прошел ряд выставок, посвященных правлению Екатерины II в России, на которых экспонировались описания праздничных церемоний, программы отдельных фейерверков и гравюры с их изображениями, рисунки временных декоративных строений²⁸.

Важное значение имеет также направление, ориентированное на изучение феномена художественного синтеза в отечественной культуре XVIII века, частью которого являлись и праздники эпохи Просвещения (И.И. Свирида²⁹, Н.В. Сиповская³⁰, Е.И. Кириченко³¹). Рассматриваются различ-

---

²² Айзенберг М. Празднества в России XVIII века // Декоративное искусство СССР. 1975. № 11. С. 38–41.

²³ Немиро О.В. Декоративное искусство и праздничный город // Искусство. 1978. №8. С. 63–69.

²⁴ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.

²⁵ Хренов Н.А. Зрелищные искусства и человек. Братислава, 1985; Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М., 1981.

²⁶ Рождественская Е.В. Триумфальные ворота 1775 года в Москве. Опыт реконструкции и атрибуции // В.И. Баженов и М.Ф. Казаков. Проблемы творческого наследия. Вып. 5. М., 1997. С. 49–64.

²⁷ Горбунова А.В. Триумфальные ворота Тверской губернии во второй половине XVIII века // Русская культура XVII–XX вв. Вып. 3. Тверь, 2005. С. 25–51.

²⁸ Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 1993; Екатерина Великая и Москва. Каталог выставки. Государственная Третьяковская галерея / Под ред. Л.И. Иовлевой. М., 1997.

²⁹ Свирида И.И. Театральность как синтезирующая форма культуры XVIII века // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 5–17.

ные аспекты праздничной сферы и их взаимодействие (музыка и церемониал – Н.А. Огаркова³², придворная литература и программы государственных торжеств – В.Ю. Проскурина³³, социально-исторические аспекты праздничных церемоний – Е.Э. Келлер³⁴, Г.В. Ибнеева³⁵). Однако наибольшее внимание исследователей уделено церемониалу, а не его художественной организации.

Тема праздника неразрывно связана с изучением усадебной культуры второй половины XVIII века в России. Об особенностях «увеселений» в усадьбах писали Н.В. Сиповская³⁶, Е.Е. Дмитриева³⁷. В качестве примеров чаще рассматривались торжества сезонные, религиозные или связанные с судьбой обитателей резиденции.

Искусство праздников детально освещено в западноевропейской научной литературе, в которой фигурировали и некоторые торжества при русском дворе (Р. Уортман³⁸, А. Лотц³⁹).

Методологически важными для данной темы были работы, посвященные иконографии в портретной живописи и скульптуре XVIII века (И.В. Рязанцев⁴⁰, В.А. Гаврин⁴¹), а также вопросам «вкуса» в эстетической мысли и художественной культуре эпохи Просвещения (С.В. Хачатуров⁴²).

Различные виды «праздничных декораций» первой половины XVIII века уже заняли свое место в отечественной искусствоведческой литерату-

---

³⁰Сиповская Н.В. Искусство к случаю // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 19–29.

³¹Кириченко Е.И. Запечатленная история России. Монументы XVIII–начала XX века. В 2 кн. М., 2001.

³²Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора. М., 2004.

³³Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

³⁴Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга. Очерки истории. СПб., 2001.

³⁵Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009.

³⁶Сиповская Н.В. «Ваше знаменито по гостеприимству» (Праздники в русских усадьбах XVIII века) // Эстетико-культурный смысл праздника. Сб.ст. памяти А.И. Мазаева. М.: Гос. ин.искусствознания. М., 2009. С. 164–176; Праздник в русской культуре XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб., 2000. С. 28–42.

³⁷Дмитриева Е.Е., Купцова О.К. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008.

³⁸Уортман Р.-С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. В 2 т. М., 2002.

³⁹Lotz A. Das Feuerwerk, Zürich, 1978.

⁴⁰Рязанцев И.В. Скульптура в России XVIII – начала XIX века: очерки. М., 2003.

⁴¹Гаврин В. Иносказание в портретной живописи России второй половины XVIII века // Искусствознание. №1. 2003. С. 250–296.

⁴²Хачатуров С.В. Готический вкус в русской художественной культуре XVIII века. М., 1999.

ре, введены в научный оборот: триумфальные врата (труды Е.А. Тюхменевой⁴³), иллюминации и фейерверки (работы М.А. Алексеевой⁴⁴, Н.А. Евсиной⁴⁵, Е.А. Сариевой⁴⁶, Е.Б. Дедовой⁴⁷). Аналогичным направлениям художественной деятельности при дворе Екатерины II уделялось меньшее внимание.

Для того, чтобы восполнить этот пробел диссертант привлекает в качестве *объекта* исследования максимально доступный и самый разнообразный материал, относящийся к искусству празднеств эпохи Екатерины II. Автор анализирует его специфику, примеры воплощения и интерпретации образов «государственного мифа» в зависимости от стилевой ситуации и общего состояния художественной культуры того времени, что и составляет *предмет* исследования.

Актуальность и научная новизна работы определяются тем, что художественная организация празднеств в период правления Екатерины II недостаточно освещена в научной литературе, хотя чрезвычайно важна для истории отечественного искусства второй половины XVIII века, и прежде всего характеристики его панегирического направления. Исследования в этой области позволяют расширить представления об особенностях аллегорического мышления той эпохи, рассмотреть его проявления в придворной культуре, долгое время остававшейся за рамками научных интересов. Новизна диссертации заключается также в том, что в Приложении, составившем второй том работы, приведены еще не присутствующие или лишь фрагментарно опубликованные в специальной литературе тексты основополагающих по значению источников.

Цель диссертации – рассмотреть искусство государственных празднеств екатерининского времени как одно из самых содержательных и ярких

---

⁴³Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. М., 2005.

⁴⁴Алексеева М.А. Театр фейерверков в России XVIII века // «Театральное пространство»: Материалы научной конференции. СПб., 1979. С. 291–307.

⁴⁵Евсина Н.А. «Дивная...памятная вещь»: Фейерверки в России // Пинакотекa. 1997. №2. С. 42–47.

⁴⁶Сариева Е.А. Фейерверки в России XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX веков. М., 2000. С. 88–98.

⁴⁷Дедова Е.Б. Образы Российской империи и храма в искусстве фейерверков и иллюминаций елизаветинского времени // Русское искусство нового времени. Вып. 11. М., 2008. С. 46–60.

явлений художественной культуры эпохи Просвещения. Поставленная цель определяет *задачи* исследования. Одна из главных задач состоит в том, чтобы проанализировать своеобразие аллегорических ассоциаций, переданных в картинах фейерверков и иллюминаций, композициях и живописно-пластическом декоре триумфальных врат, а также в других формах временных декораций. В связи с этим было необходимо обратиться к истолкованию сюжетов, соотнесению их смысла с историческими реалиями, иконографическому сопоставлению с другими произведениями живописи, графики, пластики, декоративно-прикладного и медальерного искусств, а также к литературе.

Исходя из этого, представляется важным рассмотреть особенности художественного воплощения программ в контексте стилевой ситуации и как проявление высокого уровня синтеза искусств, отражающего особенности художественной политики екатерининской эпохи.

При решении поставленных задач, учитывая интернациональный характер искусства празднеств, следовало представить отечественные государственные торжества как часть европейской зрелищной культуры.

В диссертации применен комплексный *метод*, сочетающий искусствоведческий и историко-культурный подходы. Привлечение разнообразных источников потребовало обращение к иконографическому и иконологическому анализу.

Материалом исследования послужили произведения графики из фондов Государственного Русского музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Российской государственной библиотеки (Музей книги), Российской национальной библиотеки (Отделы эстампов и рукописей), Библиотеки Российской академии наук, а также Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева и Государственного Эрмитажа. Кроме того, в работе использованы описания и программы пиротехнических представлений и триумфальных врат, большая часть которых еще не введена в научный оборот и хранится в фондах Российского государст-

венного архива древних актов, Российской государственной библиотеки (Музей книги), Библиотеки Российской академии наук. Автор обращался к изучению панегирического жанра, исследуя его проявления в станковых произведениях живописи и скульптуры, а также в литературе второй половины XVIII века.

Систематизированные по тематическому («событийному») принципу торжества рассмотрены в диссертации как примеры идейно-художественного воплощения панегирической программы «государственного мифа» екатерининской эпохи. В сферу исследования вовлечены наиболее крупные светские празднества в России в период правления Екатерины II, имеющие государственный статус, посвященные тому или иному значительному событию в Российской империи и неразрывно связанные с жизнью самой императрицы.

Структура диссертации отражает особенности привлекаемого материала. Первый том работы состоит из Введения, шести глав, Заключения, списка источников и литературы. Второй том включает Приложение. В нем собраны программы триумфальных врат, выстроенных к различным государственным празднествам: к коронации Екатерины II, торжествам по случаю Кючук-Кайнарджийского мира в Москве, церемонии встречи императрицы в Казани, Костроме; привлечены описания фейерверков и иллюминаций екатерининского времени, занимавших значительное место в художественной организации празднеств. Кроме того, представлены программы государственных торжеств, празднуемых в крупных учебных заведениях (в Московском университете, Академии художеств, Сухопутном кадетском корпусе).

Практическая ценность диссертации состоит в том, что собранный в работе материал может быть использован для дальнейшего изучения проблем отечественного искусства XVIII века, в том числе в освещенном в данной работе аспекте. Исследование может быть также полезно при подготовке лекционных курсов и для практических занятий в учебных заведениях.

ях, готовящих искусствоведов и специалистов смежных гуманитарных областей.

Апробация. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре отечественного искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В процессе работы главы диссертации неоднократно обсуждались на занятиях спецсеминара: «Проблемы русского искусства XVIII века» на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдельные выводы работы были представлены на Всероссийской конференции в Научно–исследовательском институте теории и истории изобразительного искусства Российской академии художеств⁴⁸. Основные положения исследования нашли отражение в статьях, опубликованных в научных сборниках.

Во Введении, содержание которого в основном изложено выше, автор подробно анализирует большой корпус источников (изобразительных и письменных), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Диссертант подчеркивает разнообразие состава изобразительных материалов. Большинство из них – гравюры, изображающие фейерверки и иллюминации, запечатлевшие основные сюжеты панегирических программ праздничных торжеств. Такой важный вид церемониальной архитектуры, как триумфальные врата, которые в первой половине XVIII столетия известны по гравюрам, акварелям, а также ряду проектных чертежей (или их копиям), реконструируются в данной работе преимущественно по обстоятельным описаниям этих не дошедших до нас памятников. Исключение составляет серия гравюр с изображениями триумфальных врат, выстроенных к коронации Екатерины II в 1762 году, по рисункам М.И. Махаева, а также альбом с проектом триумфальной арки, созданной по заказу Екатерины II французским архитектором Ш.-Л. Клериссо в 1780 году.

Задачи, поставленные в диссертации, требовали обращения и к другим направлениям официального светского искусства: произведениям жи-

---

⁴⁸Императорская Академия художеств и художественная жизнь России, 19–20 февраля 2009, НИИ РАХ.

вописи, скульптуры (портретам, историческим и аллегорическим картинам, статуям, рельефам и др.), графики (гравюрам, картам), медалям, отражающим особенности панегирического жанра эпохи.

Помимо изобразительного материала, не меньшее значение для работы имели письменные источники, среди которых диссертант выделяет три основных категории. К первой из них относятся архивные документы, связанные с проведением празднеств при императорском дворе, в частности дела «комиссии о коронации Екатерины II» из фонда «Сената и его учреждений» в Российском государственном архиве древних актов. Эти материалы дополняют описания праздничных церемоний в камер-фурьерских журналах екатерининского времени⁴⁹. Ко второй категории принадлежат периодические издания: описания значительных государственных торжеств в Москве, в Санкт-Петербурге, а также в ряде провинциальных городов, помещенные в номерах газеты «Ведомости». Кроме того, программы триумфальных врат и иллюминаций издавались отдельными брошюрами, многие из которых были иллюстрированы гравюрами. К третьей категории источников отнесена мемуарная, эпистолярная, а также панегирическая литература второй половины XVIII века. Впечатления от празднеств екатерининской эпохи оставили в своих воспоминаниях современники (А.Т. Болотов⁵⁰, Г.С. Винский⁵¹, А.В. Храповицкий⁵², граф Л.-Ф. Сегюр⁵³, Ф. де Миранда⁵⁴, Л.Н. Энгельгардт⁵⁵ и др.). Важными материалами для исследования стали автобиографические записки Екатерины II⁵⁶ и ее переписка с русскими и

---

⁴⁹Церемониальные, банкетные и камер-фурьерские журналы 1762–1796. СПб., 1762–1796.

⁵⁰Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3 кн. М., 1993.

⁵¹Винский Г.С. Мое время // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М., 2007.

⁵²Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793 / Вступ. ст. и указ. Н. Барсукова. СПб., 1874.

⁵³Сегюр Л.-Ф. Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л.Ф. Сегюра // Русский архив. 1907. № 10.

⁵⁴Франциско де Миранда Путешествие по Российской Империи / Пер. с испанского М.С. Альперовича, В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М., 2001.

⁵⁵Энгельгардт Л.Н. Записки / Сост. И.И.Федюкина. М., 1997.

⁵⁶Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. Репринтное воспроизведение издания 1907 г.

зарубежными корреспондентами (Г.А. Потемкиным⁵⁷, А.В. Храповицким⁵⁸, И.-Д. Бьельке⁵⁹, Э.-М. Фальконе⁶⁰, Ф.-М. Гриммом⁶¹, Ф. Вольтером⁶² и др.).

Признанные поэты своего времени (А.П. Сумароков, М.М. Херасков, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, В.П. Петров, В.И. Майков) составляли программы празднеств, создавали поэтические описания торжеств, некоторые из которых представлены в собраниях их сочинений или изданы отдельными брошюрами. Мифология власти прославлялась в хвалебных речах и кантах, написанных учащимися (В. Санковским, А. Перелегиным и др.) и профессорами (С.Е. Десницким, А.А. Барсовым и др.) Московского университета.

Помимо упомянутых текстов, следует назвать чрезвычайно важную для данной темы работу Я. Штелина, одного из главных «инвенторов» придворных пиротехнических представлений до 1782 года, «Записки об изящных искусствах...» и в их составе – первый опыт истории фейерверков и иллюминаций в России⁶³. Кроме того, в процессе исследования необходимо было обратиться к изданиям, содержащим изъяснения иконографии того времени («Емвлемы и символы»⁶⁴, «Иконологический лексикон...» О. Лаконб де Презеля в переводе И. Акимова⁶⁵, «Иконология, объясненная лицам или полное собрание аллегорий, емвлем...»⁶⁶), что значительно облегчило трактовку аллегорических сюжетов.

---

⁵⁷Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791) / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997.

⁵⁸Собственноручные письма и записки Екатерины II к А.В. Храповицкому. 1783–1793. М., 1872.

⁵⁹Письма Екатерины II к Иоганне Доротее Бьельке // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М., 2007.

⁶⁰Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 17.

⁶¹Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (1764–1796) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 44.

⁶²Переписка Российской императрицы Екатерины Вторые с г. Вольтером, 1763–1778 гг. / Пер. М. Антоновского. Т. 2. М., 1802.

⁶³Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. В 2 т. / Сост. и пер. с немецкого К.В. Малиновского. М., 1990.

⁶⁴Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки переведенные. Печатано в Императорской типографии, 1788.

⁶⁵Лакомб де Презель О. Иконологический лексикон или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых стихотворцев. С французского переведен Академии наук переводчиком И. Акимовым. Печатано при Императорской Академии Наук, 1763.

⁶⁶Иконология, объясненная лицам; или Полное собрание аллегорий, емвлем и пр. Сочинение полезное для рисовальщиков, живописцев, гравировщиков, скульпторов, стихотворцев, ученых людей, а особливо для воспитания юношества. Содержит 225 фигур, гравированных Г. Штибером в Париже. М., 1803.

I глава «Идейно-художественная программа коронационных торжеств Екатерины II» посвящена убранству наиболее значительных и самых первых в истории правления Екатерины II празднеств. Материал, представленный в данной главе, затрагивает три главных аспекта: маршрут триумфального шествия императрицы в Москве в сентябре 1762 г., его место в топографии города; характеристика идейно-художественной концепции оформления триумфальных врат, а также анализ аллегорической программы маскарада «Торжествующая Минерва» в контексте панегирической программы коронационных торжеств в целом.

Диссертант подробно останавливается на рассмотрении четырех триумфальных врат в Земляном и в Белом городе, а также Воскресенских и Никольских ворот в Кремле, которые приобрели новое живописно-пластическое убранство. Сопоставляя их местоположение с маршрутами прежних коронационных процессий Петра II (1728), Елизаветы Петровны (1742), автор анализирует композиции и особенности декоративно-пластического убранства. Таким образом, триумфальные «порты» представлены в работе как единый ансамбль, органично существующий в среде городских улиц и сочетающий черты средневекового и барочного зодчества.

Художественная концепция и панегирическая программа картин и скульптур в декоре триумфальных «порт» реконструированы в диссертации на основании рукописи «Надписи на триумфальных Тверских, Воскресенских и Никольских воротах в Москве, по случаю коронации Екатерины II» из фонда Российского государственного архива древних актов. Текст содержит программу оформления ворот с комментариями – интереснейший пример трактовки аллегорических картин современником. Анализируя содержание документа, диссертант отмечает ряд закономерностей в выборе сюжетов, исследует источники их происхождения и особенности воспроизведения. Так, становится известно, что «изображение Москвы в виде старухи неприлично», а «сердца в строении таких зданий» как пирамиды «непри-

стойны», необычным представляется вид женщины, соответствующий иконографии Геркулеса.

При анализе образного строя декораций, выделяется несколько сюжетно-тематических линий. Одна из главных – аллегорические изображения Екатерины II, которые рассматриваются на примере описаний картин на триумфальных воротах, иллюминаций и фейерверков, а также текстов од и кантов, посвященных монархине. Диссертант подчеркивает, что художественная и панегирическая программа коронации стала первой публичной репрезентацией образа новой императрицы в структуре «государственного мифа» того времени. В частности, в сценарии коронационного торжества (прежде всего в его первом акте – триумфальном въезде) Екатерина II впервые появляется в образе «триумфатора-победителя», связанном с мифологемой завоевания престола как акта спасения государства. В контексте православия она представляется спасительницей народа, посланной Богом, а упоминания о Чаше указывают на неизбежность предназначенного пути. Тема православия занимает значительное место в программе: изображения чтения Символа веры, миропомазания, причащения впервые вошли в иллюстративный ряд готовящегося коронационного альбома (рисунки Ш.-Л. Де Вельи). При этом диссертант подчеркивает, что Екатерина II выступает не только как единовластная правительница («Вторая Елизавет»), а как мать законного наследника престола: она изображалась принимающей символы власти свыше – из рук Вседержителя, держа при этом за руку цесаревича Павла Петровича (описание картины на Тверских воротах в Белом городе, 1762 г.; картина неизвестного художника «Аллегория на воцарение Екатерины II», 1762 г.). Кроме того, автор рассматривает мифологические амплуа Екатерины II, сопоставляя их с иконографией живописных портретов императрицы («Портрет Екатерины II в образе Минервы» – гравюра Н.Я. Колпакова, живописная картина С. Торелли и др.). Наиболее подробно в работе представлены образы Астреи и Минервы, с которыми сравнивались как все

европейские монархини, так и предшественницы Екатерины II на русском престоле.

Важное место в первой главе диссертации занимает программа и композиция карнавала «Торжествующая Минерва». Диссертант анализирует аллегорическое действо и состав его участников, проводя параллели с античным театром, венецианским карнавалом и карнавалами в России при Петре I.

Характеризуя идейно-художественную программу коронационных торжеств Екатерины II в целом, автор подчеркивает, с одной стороны, ее очевидную преемственность с елизаветинской эпохой, с другой – значительное внимание к теме просвещения, которая займет главное место в идеологии екатерининского правления.

Во **второй главе** диссертации «**Аллегории войны и победы в оформлении “торжеств о замирении”**» речь идет о художественном решении празднеств по случаю окончания военных кампаний – заключения мира. Они получили названия «торжеств о замирении» или «мирных торжеств». В работе представлены празднества в Москве, Петербурге и провинциальных городах (Иркутске, Казани, Костроме, Вологде и др.), устроенные в честь Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией в 1775 году. Их программа, ставшая главным предметом рассмотрения в данной главе, сопоставлена с идейно-художественной концепцией последующих «торжеств о замирении» при екатерининском дворе (по случаю завершения войны со Швецией в 1790 г. и второй турецкой кампании в 1791 г.).

Помимо знаменитых павильонов В.И. Баженова на Ходынском лугу, автор обращается к другим ансамблям, входившим в убранство Кючук-Кайнарджийских празднеств: триумфальным вратам, построенным в древней столице к приезду Екатерины II и триумфальным воротам на Серпуховской дороге, предназначенным для торжественной встречи фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского.

Диссертант отмечает, что архитектурное воплощение программы «мирного торжества» в Москве в 1775 году стало примером нового пространственного решения декораций в соответствии с классицистическими принципами. Необычная художественная концепция этого ансамбля, имела целью передать эффект перемещения зрителя из одного географического пространства в другое (концепция «путешествия», развивавшаяся и в литературе) и в значительной мере повлияла на характер идейно-художественного решения празднеств в провинциальных городах (торжество в Иркутске, 1775 г.) и частных резиденциях (праздник в усадьбе Озерки Г.А. Потемкина, 1779 г., в селе Васильевское князя В.М. Долгорукого-Крымского, 1780 г.). Рассматривая отдельные сооружения или их изображения в картинах фейерверков и иллюминаций, автор останавливается на вопросах архитектурной иконографии декораций «торжеств о замирении» (образы крепости в павильонах и иллюминации на Ходынском лугу в Москве; композиции храмов войны и мира в фейерверках и иллюминациях в Петербурге по случаю мира России со Швецией в 1790 г. и с Турцией в 1793 г.).

Другой аспект изучения материала связан с исследованием образной структуры военных празднеств. Диссертант подчеркивает, что существовали определенные различия в представлении панегирической программы в столице и в провинциальных городах. В частности, в провинции изображение «плодов мира» – главной темы в «торжествах о замирении» – зачастую было более детальным (иллюминация в Иркутске в 1775 г.), чем в столичных городах, что отражало особенности восприятия панегирического послания провинциальной аудиторией.

Портреты императрицы в аллегорических, мифологических, исторических костюмах – другая важная тематическая линия в программе «празднеств по случаю замирения». Диссертант рассматривает примеры репрезентации образа Екатерины II–Паллады, символические сопоставления екатерининских побед и побед Петра I, триумфов римского Августа. Автор от-

мечает, что скрывавшаяся за масками мифологических божеств, добродетелей или же прославляемая «вензловыми знаками в сиянии Славы», монархиня «представала» перед зрителями и в своем реальном облике. В качестве примера в работе приводятся описания иллюминаций и картин к триумфальным вратам, в которых упоминается о медальонах с профилем Екатерины II, подобных античным камням с портретами римских триумфаторов.

В диссертации отмечается, что в сценарии «торжеств о замирении» екатерининского времени наряду с «главной героиней», роль которой «исполняла» императрица, появилось и амплуа нового героя – воина-победителя. Иначе говоря, аллегорический сценарий празднества уже не уподоблялся исключительно «моноспектаклю». Подробно рассмотрен «триумфальный ансамбль» (описание двух триумфальных врат на Серпуховской дороге, 1775 г.), который Екатерина II планировала выстроить ко встрече фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского после завершения первой турецкой кампании. Диссертант анализирует программу картин, предназначенных для триумфальных врат, как пример системы иносказаний, принятой для представления «героя Отечества». Автор подробно останавливается на рассмотрении портретной концепции изображений «героев» екатерининской эпохи – иконографии «воина по-римски одетого и вооруженного». В работе сопоставлены примеры «аллегорических портретов» Г.Г. Орлова (живописные портреты кисти С. Торелли, В. Эриксона, картина на Тверских триумфальных вратах 1775 г. в Москве) и фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского (картина к триумфальным вратам на Серпуховской дороге, скульптурный портрет П.А. Румянцева-Задунайского, исполненный Ж.-Д. Рашеттом, портрет на надгробии фельдмаршала работы И.П. Мартоса).

Автор подчеркивает, что самые значительные из «мирных торжеств» екатерининского времени в связи с заключением Кючук-Кайнарджийского мира привнесли новшества в масштабы и художественную организацию го-

сударственных празднеств, ознаменовав не только важную военную победу, но и определенный рубеж в правлении Екатерины II.

Третья глава «Символы процветания императорского дома в художественном убранстве свадебных торжеств» посвящена аллегорическим образам, представленным в идейно-художественном решении свадеб при императорском дворе: цесаревича Павла Петровича (1773, 1776), великих князей Александра Павловича (1793) и Константина Павловича (1796). В данной главе охарактеризованы особенности церемониала свадебных торжеств и их декорации. Последние анализируются в двух направлениях. Первое охватывает анализ аллегорий в художественной структуре императорских свадеб, второе – исследование стиля и иконографии архитектурных образов, прежде всего храма, неотъемлемо присутствующего в праздничном пространстве. Основным материалом рассмотрения в данном разделе послужили программы и гравюры с изображениями фейерверков и иллюминаций в Москве и Санкт-Петербурге, а также описания декораций официальных мероприятий во время визита Павла Петровича в Берлин в 1776 г., предшествующего свадьбе цесаревича и принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской (в крещении Марии Федоровны).

Диссертант отмечает, что свадьбы, устроенные Екатериной II, могли успешно соперничать с торжествами при европейских дворах. В работе сопоставлены церемониальные особенности герцогских и королевских свадеб в Европе и великокняжеских бракосочетаний в России в обозначенный период.

Анализируя иконографические мотивы в художественной программе свадебных торжеств, автор подробно останавливается на рассмотрении наиболее распространенных из них. В работе прослеживаются варианты иконографии бога брачного союза Гименея, представленные в фейерверках (гравюры с изображениями фейерверков в Петербурге 1773, 1776 и 1793 гг.), на медалях (в память о заключении брака Павла Петровича и Наталии Алексеевны 1773 г., Павла Петровича и Марии Федоровны 1776 г.), в

скульптуре (М.И. Козловский «Гименей», 1796 г.) и др. Среди повторяющихся мотивов выделен образ сада, символизирующий благополучие и процветание России, подробно рассмотрена роль цветов, всегда присутствующих в свадебных декорациях: роз, лилий, амарантов, которые в разнообразных сочетаниях повторялись в убранстве интерьеров, фасадов, в композициях фейерверков и иллюминаций. Особое внимание уделено мотиву пальмы в контексте свадебного праздника (гравюра с изображением фейерверка на Царицыном лугу 1793 г., описание иллюминации по проекту В.И. Баженова на фасаде Воспитательного дома 1796 г.).

Значительное место в данной главе диссертации занимает рассмотрение архитектурных сооружений – обелиска, колонны и храма, которые в зависимости от праздничного повода имели различные значения. Диссертант подчеркивает, что обелиск в свадебных декорациях, наряду с пальмой, относился к «династическим знакам» («...obelisk, тем более приличествующий Царскому роду, что Древние означали им луч солнца», – сказано в программе иллюминации Воспитательного дома 1796 г.). С одной стороны, он прославлял укрепление рода, с другой, будучи солярным символом, указывал на божественность его происхождения.

Великолепные здания в программах «огненных потех» также имели, как правило, приличествующие поводу посвящения. В Западной Европе, прежде всего во Франции, Италии и Германии, картины «свадебных фейерверков» украшали чаще всего храмы в честь бога Гименя. В диссертации отмечается, что в России храм присутствовал почти в каждом «свадебном фейерверке», однако его посвящение было связано не столько с аллегорией самого брачного союза, сколько с прославлением его «великой устроительницы», то есть царствующей императрицы. В работе приводится ряд примеров: «храм Блаженства, воздвигнутый Великою Екатериной» в заключительный день празднования бракосочетания Павла Петровича и Наталии Алексеевны (гравюра Х.-М. Рота «Изображение увеселительных огней... в Петербурге 1773 году октября дня. Действие I фитильного огня»), «храм

Благополучия» в третьем действии фейерверка в честь Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны («Описание фейерверка при торжестве бракосочетания их императорских высочеств... в Санктпетербурге на Царицыном лугу, октября 1793 года»). В картине фейерверка в дни свадебного торжества Константина Павловича и Анны Федоровны на Неве появился «храм Минервы» (гравюра И.К. Майера «Изображение фейерверка для торжества бракосочетания... февраля 1796 года»). В диссертации проанализированы композиции этих эфемерных сооружений и их соотношение с реальными постройками эпохи классицизма.

В четвертой главе «Панегирическая программа и ее воплощение в праздниках “adventus”» рассматриваются торжества, устроенные в разных городах в период путешествий императрицы по России. Для их обозначения в диссертации использован термин «adventus» (лат. «прибытие»), происходящий от названия церемонии встречи правителя или важного городского лица в Древнем Риме. Автор обращает внимание на то, что эта античная церемония наследовалась европейскими монархами последующих времен, почти не претерпев коренных изменений в сценарии путешествий Карла V, Екатерины Медичи, Елизаветы I Английской и других европейских правителей. Диссертант отмечает, что Екатерина II совершила несколько длительных поездок по стране с целью ознакомления с ее состоянием. Праздники «adventus» рассмотрены в работе преимущественно на материалах, связанных с самыми значительными и длительными путешествиями императрицы по Волге в 1767 году и в Крым в 1787 году. Каждое из них имело «легенду», воплощенную в «мифопоэтических» и исторических аналогиях. Анализ символики церемониала встречи Екатерины II занимает важное место в данной главе. Автор диссертации указывает, что понятие «прибытия» синонимично «появлению» или «явлению», связанному как с культовой, так и театральной средой. В работе предпринята попытка реконструировать декорации, созданные по случаю праздников «adventus» в различных городах Российской империи. На основании описаний в камер-

фурьерских журналах за 1767 год и 1787 год диссертант восстанавливает маршрут следования императорского кортежа и его художественное убранство. На примере триумфальных врат в Костроме, Казани, Калуге, Орле, Курске, в Новгороде-Северском и др. рассматриваются варианты композиций этих сооружений, созданных в разное время к приезду Екатерины II. Диссертант отмечает, что в 1760-х годах, как и в середине XVIII века, наибольшее распространение получил тип трехпролетной арки с куполом, символически отождествляемый с культовыми постройками (триумфальные врата в Казани 1767 г.). В 1770–1780-х годах использовалась иная композиция триумфальных сооружений: однопролетная арка с высоким аттиком, наиболее близкая знаменитой античной арке Тита в Риме (арка в Новгороде-Северском по проекту Дж. Кваренги, 1786–1787 гг.). Диссертант стремится проследить развитие этого иконографического мотива в архитектуре русского классицизма («Орловские» ворота в Царском Селе по проекту А. Ринальди, проект арки для Московской заставы в Петербурге Ш.-Л. Клериссо, врата в усадьбе Знаменское-Раек, приписываемые Н.А. Львову), подчеркивает его значение в ряду исторических сопоставлений Екатерины II с римским императором Титом, фигурирующим и в панегирической литературе того времени. В работе отмечается, что представления о том, как должны выглядеть «достойные въезды» для монархини, складывались из знакомства со столичными образцами, известными по гравюрам и проектам признанных зодчих, принимавших участие в оформлении «триумфальных шествий» Екатерины II. При этом автор обращает внимание на то, что провинциальная трактовка нередко сообщала известной архитектурной композиции бóльшую декоративность, а также ощутимые признаки компилятивности.

Другой аспект рассмотрения декораций церемонии «adventus» связан с исследованием программы живописно-пластического убранства триумфальных «порт». В качестве примера в диссертации подробно проанализирована программа арки, выстроенной к приезду Екатерины II в Казани в

1767 году, еще не привлекавшей к себе внимания исследователей. Кроме того в работе представлена композиция аллегорического полотна, украшавшего триумфальные врата в Твери, предположительно, 1787 года, из собрания Тверской областной картинной галереи, а также рассмотрены описания картин на триумфальных «портах» в Костроме 1767 года.

Обращаясь к вопросам иконографии, диссертант анализирует концепцию портрета императрицы-путешественницы в картинах, непосредственно украшавших путь следования Екатерины II (в казанских триумфальных вратах она представлялась плывущей на галерах по Волге, в тверских – в триумфальной колеснице, которая едет по дороге, устланной розами, на триумфальных «портах» в Костроме монархиню можно было увидеть в образе Цереры, которую везут два льва) и других произведениях изобразительного искусства. Автор показывает, что иконография встречи императрицы («иконография *adventus*»), ее изображения в образе путешественницы получили распространение в живописных портретах Екатерины II 1770–1780-х годов («Путешествие Екатерины II по России в 1787 году» Ф. де Мейса, «Портрет Екатерины II в дорожном костюме» М. Шибанова, 1787 г. и др.), в пластике («Путешествие Екатерины II в полуденный край России», гипсовый барельеф Ж.-Д. Рашетта, 1787 г.), а также тиражировались в работах декоративно-прикладного искусства (бюро-цилиндр с аллегорическими изображениями путешествия Екатерины II в Крым в 1787 г. по рисункам архитектора Н.А. Львова, мастер – М.Я. Веретенников). Таким образом, панегирическая программа государственных торжеств представляется автором диссертации в контексте тематической программности придворного искусства как его определяющая часть.

Диссертант отмечает, что празднества «*adventus*» оставили значительный след в художественной жизни русской провинции, а также стали важной формой публичной репрезентации одного из амплуа Екатерины II как просвещенной монархини – «путешествующей императрицы». Автор подчеркивает, что в ряду аллегорических «масок», дорожный костюм зани-

мал важное место среди «панегирических нарядов» Екатерины II, которому не уделялось достаточного внимания в исследованиях, посвященных иконографии императорских портретов.

В пятой главе «**Образ памятника в контексте праздничного повода**» речь идет о государственных торжествах, связанных с открытием памятника монарху в соответствии с представлениями о нем в эпоху Просвещения. Исторически памятник правителю не отождествлялся исключительно с его монументальным скульптурным изваянием, но подразумевал также создание произведений других видов искусства, выполняющих мемориальную функцию: публичных зданий, медалей, картин. Диссертант дополняет этот перечень описаниями празднеств, устроенных по случаю открытия значимых общественных памятников екатерининской эпохи.

Автор отмечает, что идея создания памятника Екатерине II появилась уже в первые годы царствования императрицы и находила разные формы воплощения в период ее правления. В работе используются программы художественного убранства празднеств по случаю закладки церкви при Академии художеств в Петербурге в 1765 году, нового Кремлевского дворца в Москве в 1773 году. Диссертант рассматривает концепцию художественной организации празднеств и их архитектурное оформление. Символически место «заложения первого камня» уподоблялось сцене, на которой Екатерина II появлялась в еще одном амплуа – «императрицы-созидательницы». Торжество закладки Кремлевского дворца в Москве – «жилища Минервы», подобно римскому храму (в описании это – «великолепный тампль»), – аллегорический спектакль со сложной художественной организацией. Автор реконструирует ансамбль на основании программы А.П. Сумарокова и В.И. Баженова. В работе анализируется идейно-художественная концепция декораций торжества (план декоративных сооружений В.И. Баженова, 1772 г., рисунок с изображением их подготовки М.Ф. Казакова, 1773 г.) и проект Кремлевского дворца В.И. Баженова.

В качестве другого примера рассматривается церемония открытия памятника Петру I работы Э.-М. Фальконе в Петербурге в 1782 году. В соответствии с поставленной задачей диссертант обращается к сценарию празднества, подробно останавливаясь на аллегорической программе самой скульптурной композиции и ее значении в художественной культуре того времени. Это, в свою очередь, позволило автору затронуть другой важный аспект темы памятника в контексте праздничного повода.

В работе прослеживаются изображения мемориальной колонны, обелиска, «скульптурного изваяния Екатерины II» («изображение Ея Императорского Величества, как бы из металла изваянное, стоящее на алебастровом пьедестале» в картине на триумфальных воротах в Казани в 1767 г.) как воплощение идеи создания памятника императрице в художественной структуре государственных торжеств. В подробных описаниях картин, украсивших триумфальные «порты», и иллюминаций упоминалось не только о типе скульптурного изваяния монархини, но и материале, из которого оно «исполнено». Автор подчеркивает значимость художественной антиномии «камня – золота»: первый, как первичная материя, из которой высекал Петр I новую Россию, символизировал «петровскую эпоху» (образ «гром-камня», а также изображение огромной каменной горы в декорациях церемонии открытия памятника работы Фальконе), тогда как золото относилось к эпитетам века екатерининского – века Просвещения.

В качестве примера одного из самых грандиозных памятников Екатерине II рассматривается проект «Храма Бессмертия», который преподнес императрице архитектор Л.-Ж. Дебре. Композиция, спроектированная на площади, состояла из храма, с большой скульптурной группой внутри: Екатерина II–Минерва на триумфальной колеснице, и двух триумфальных арок. Проектные рисунки дополняла акварель с изображением праздника по случаю открытия «Храма Бессмертия», что подчеркивало значимость этого жанра государственных торжеств в екатерининскую эпоху.

Шестая глава диссертации названа «**Художественное воплощение государственных празднеств в частных резиденциях**». Автор поясняет, что определение «государственный» в данном случае связано не только с поводом празднества, но и с самим фактом присутствия императрицы на нем. Много путешествуя, Екатерина II, подобно английской королеве Елизавете I, приезжала в дворянские усадьбы, где в ее честь проходили приемы, сопровождаемые балами и вечерними иллюминациями. Праздники – важная форма «саморепрезентации» в обществе – отражали положение хозяина и его придворный статус. Диссертант замечает, что Екатерина II принимала участие в торжествах не только известных столичных вельмож (И.И. Бецкого, А.Г. Орлова, Г.А. Потемкина-Таврического, П.Б. Шереметева, А.А. Вяземского и др.), но и в празднествах в среде провинциального дворянства в период своих путешествий (прием в усадьбе Тихвино-Никольское Н.И. Тишина).

Автор показывает, что в границах частных владений церемония «adventus» разыгрывалась в миниатюре, но в полном соответствии с принятыми канонами встречи монархини. Появлялись торжественные въезды в виде «изрядно украшенных» триумфальных врат, а в их художественном убранстве соединялась символика частного и государственного. Диссертант обращает внимание, что классицистическим усадьбам мотив триумфальной арки органично соответствует не только в качестве временного сооружения.

Несмотря на то что к подготовке праздника приглашались лучшие и известные мастера, в разработке сценария непосредственно участвовал сам владелец, являясь не только его вдохновителем, но порой и главным режиссером. В пространстве парковых или интерьерных декораций воплощался мир, воспетый в панегирических кантах и аллегорических картинах. Монархиня оказывалась в атмосфере сельской идиллии, царства Золотого века и античных храмов, возведенных в ее честь. В парках загородных резиденций появлялись хижинки, гуляли пастушки и пастухи, напоминая буколики,

в подражание праздникам Марии-Антуанетты в Версале (маскарад на даче Левендаль Л.А. Нарышкина в 1772 г., праздник в усадьбе Озерки Г.А. Потемкина в 1779 г.). В многообразии сценариев переплетались личные вкусы хозяина, мода и принятый «панегирический лексикон» придворных торжеств.

Чествования правителя в век Просвещения подражали античным, в рамках представлений, которые имели о них современники второй половины XVIII века. Идея сценической программы – уподобление дома античному храму – являлась не только панегирической метафорой, воплощенной в метаморфозах праздника, но отразилась и в композиции, преобладающей в усадебном строительстве того времени (концепция палладианства).

Автор подчеркивает, что отечественные празднества в частных резиденциях во второй половине XVIII века не уступали лучшим европейским аналогам того времени.

В Заключении сформулированы итоги работы. Диссертант приходит к выводу, что, исполняя неизменную функцию идеологической пропаганды, государственные торжества екатерининской эпохи составляли важное направление художественной политики императрицы Екатерины II. Расширились топографические границы «праздничного пространства» и диапазон праздничных поводов. В идейно-художественном и сценическом решении ощущался синкретизм различных традиций. Ориентация на западные образцы сочеталась с национальным своеобразием, обращением к историческому наследию.

В то же время, наметилась тенденция к «камерности»: убранство публичных городских празднеств органично воссоздавалось и в значительно меньших пространствах частных резиденций.

Автор обращает внимание на то, что в соотношении программного замысла и его воплощения в столичных городах ощутимо определенное упрощение «повествовательного» начала: со временем менее подробными

стали тексты описаний, изъяснения сюжетов, многие из которых были уже хорошо знакомы просвещенному зрителю. В провинции преобладало более «архаизирующее» направление, ориентированное на «многословность» репрезентации, что по-своему подчеркивало просветительскую функцию праздника, особенно важную во второй половине XVIII века.

В художественной организации празднеств определилась тенденция к «большому стилю», легко совмещались разнообразные реминисценции рококо, барокко, классицизма – стилевая «полифоничность», свойственная эстетике Просвещения, эффектно «звучала» в праздничной сфере.

Диссертант отмечает, что в эпоху Екатерины II художественное оформление торжеств играло более значительную роль в «архитектурной жизни» империи, чем в предшествующее время. Над воплощением праздничного убранства работали ведущие отечественные и иностранные зодчие: Д.В. Ухтомский, К.И. Бланк, В.И. Баженов, М.И. Казаков, Дж. Кваренги и др. Декорации органично существовали в городской среде и в то же время фиксировали границы самостоятельного, отведенного лишь для праздника пространства на улицах или в усадебном парке. Так происходил естественный процесс взаимовлияния реальной и праздничной архитектуры.

В результате исследования было установлено, что в образной структуре панегирической программы государственных торжеств происходили определенные изменения. Во всем соблюдая иерархию, Екатерина II привнесла определенное разнообразие в распределение ролей «государственного пантеона», а образы и сюжеты, представленные в декорациях, были созвучны иконографии официального светского искусства. Автор подчеркивает, что система инсценировок менялась в соответствии с политическими планами и «саморепрезентацией» императрицы. Наряду с традиционными ролями (Астреи, Минервы, Паллады), монархиня представала отечественному зрителю и в виде не столь привычном: «императрицы-путешественницы», «императрицы-гостьи», как бы сокращая дистанцию между идеальным и

реальным «портретом». «Путешествия» органично соответствовали природе праздника, как своего рода перемещения из одной реальности в другую; в эпоху Просвещения они разыгрывались в сценарии и художественном убранстве государственных торжеств, участники которых сами примеряли воспетое в литературе того времени амплу путешественников.

Кроме того, автор отмечает, что в художественном строе празднеств екатерининской эпохи со временем реже появлялись библейские образы, более значительное место занимали темы античности. Мужские мифологические и героические амплу (Марс, Геракл, Сципион и др.), которые ассоциировались с императором, в период царствования Екатерины II принадлежали ее ближайшим сподвижникам и фаворитам.

В целом, как показали выводы диссертации, изучение художественной организации государственных торжеств екатерининского времени в значительной степени обогащает представления о культуре и искусстве второй половины XVIII столетия.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

- 1. О программе триумфальных врат в честь фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Вып. 12. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции «Императорская Академия художеств и художественная жизнь России» / Редактор-составитель И.В. Рязанцев: НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, 2009. С. 68–85.**
- 2. Путешествия Екатерины II: идейно-художественная программа церемониала встречи императрицы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 6. С. 112–125.**
- 3. Художественное своеобразие праздников при дворе Екатерины II // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 5. С. 84–88.**

Подписано в печать 21.02.2011 г.

Заказ № 58 Тираж: 150 экз.

Типография ООО “Техноком”, ИНН 7709736259

г. Москва, Б. Серпуховская, д.6/5,стр.1, тел. 231-36-97.

www.funcopy.ru